

З а 38 л ѣ т ъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній, посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Баланирова.

IV¹⁾.

уже говорила, что онъ отмѣнилъ, вычеркнулъ, выбросилъ весь мой прежній репертуаръ и замѣнилъ его новымъ.

Гаммы и экзерсиціи по методъ Дрейшока очень быстро меня просто увлекли.

Мнѣ нравилось, что изъ-подъ моихъ пальцевъ, бѣгающихъ по всей клавиатурѣ, а не по части ея, текутъ такія мощныя струи звуковъ.

Милій Алексѣевичъ показывалъ мнѣ, задавая новое, какъ надо ихъ играть, съ какимъ ритмомъ, удареніями и различной скоростью, увеличивая эту скорость по мѣрѣ того, какъ я выучивала ихъ, безъ ошибокъ и смазыванія.

— Теперь они у васъ въ „пальцахъ“, или: онѣ еще не въ „пальцахъ“,—говорилъ онъ и, въ зависимости отъ того, были ли онѣ у меня въ пальцахъ или нѣтъ, мы, по метроному, прибавляли скорость или оставались на прежней. При этомъ надо сказать: всѣ экзерсиціи и даже этюды я учила и играла вначалѣ по метроному, и лишь впоследствии, когда опять-таки вещь была въ пальцахъ, онъ, во время урока, останавливалъ, отставлялъ на всегда метрономъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1913 г.

(Это было, разумѣется, въ первые годы; потомъ при немъ я играла уже всегда безъ метронома).

Этюды Крамера, изданные для Мюнхенской музыкальной школы Гансомъ Бюловымъ, которые для меня замѣнили собой этюды Черни, (игранные мною съ Шубертомъ), я тоже очень полюбила.

Милій Алексѣевичъ заставлялъ отдѣлывать ихъ, такъ сказать, филигранно, съ тончайшей нюансировкой, и они, въ такомъ исполненіи, становились похожими на очень хорошенькія пьесы. Кромѣ того, самъ онъ, во время моей игры, подыгрывалъ на томъ же роялѣ, въ дискантахъ, какія-то очевидно тутъ же приходившія ему въ голову музыкальныя мысли, темы и варіаціи, и это выходило такъ красиво, неожиданно и ново, такъ мѣняло усвоенную мною, мысленно, гармонизацію этюда, что я заслушивалась и... путала, ошибалась. Тогда онъ нетерпѣливо издавалъ свои: г-м... г-мъ... и переставалъ играть.

Эти этюды привлекали вниманіе и нашихъ свѣтскихъ знакомыхъ.

Не разъ, когда я экзерсировалась, выходя изъ кабинета отца и проходя по залѣ, они останавливались и спрашивали меня:

— Что это вы играете? Какая прелесть!

А два раза за эти этюды судьба послала мнѣ и другую награду, два большихъ удовольствія.

Первое, меньшее удовольствіе, было полное собраніе этюдовъ Крамера для двухъ фортепіанъ, аранжированное Гензелемъ.

Подарокъ этотъ мнѣ сдѣлалъ другъ отца, старикъ Шванвичъ. (Къ сожалѣнію, я не помню его имени и отчества. Знаю только, что это былъ пожилой, изящный господинъ, прекрасно говорившій по-французски, жившій не всегда въ Петербургѣ, а гдѣ-то или у себя въ имѣніи или въ какомъ-то провинціальномъ городѣ, гдѣ онъ, какъ у меня осталось въ памяти, былъ важнымъ лицомъ (губернаторомъ, что ли?).

Онъ очень хвалилъ мою игру, цѣловалъ кончики своихъ пальцевъ, чтобы показать, какое у меня тушэ, и восторгался этюдами Крамера, въ аранжировкѣ Гензеля.

Но, когда я, съ внутренней, тщательно скрываемой гордостью, показала Милію Алексѣевичу его подарокъ, не заикаясь о полученной похвалѣ, Балакиревъ болѣе, чѣмъ равнодушно, отнесся къ моему приобрѣтенію и тѣмъ сразу и окончательно вырвалъ у меня уваженіе къ музыкальному пониманію Шванвича.

Второй подарокъ доставилъ мнѣ неизгладимое удовольствіе и впечатлѣніе, живое до сего дня, но о немъ я ужъ никогда не проговорила Милію Алексѣевичу, т. е. что это былъ именно мнѣ подарокъ.

Сдѣлалъ его мнѣ тоже хорошій пріятель отца, гусаръ Ивашевъ. (Онъ, кажется, былъ извѣстный игрокъ). И раньше онъ привозилъ мнѣ конфекты въ прелестныхъ бонбоньеркахъ и всякія бездѣлушки. Но на этотъ разъ подарокъ его превысилъ все, что я до сихъ поръ получала отъ чужихъ за мою музыку. Подарокъ этотъ былъ—ложе на оперу „Ромео и Джульетта“ съ Патти и Николини!...

Представленіе это было верхомъ романтическо-оперной поэзіи и одновременно верхомъ романическо-жизненной лжи, но, какъ дѣвочка или точнѣе подростокъ, я ничего этого не понимала и видѣла только одно: опьяняющую поэзію красоты и любви.

Впрочемъ, здѣсь не мѣсто говорить о прошедшемъ передъ моими дѣтскими глазами романъ Патти съ Николини, ея вторымъ мужемъ, тогда какъ первый, маркизь де Ко (de Caux), сидя въ партерѣ, въ первомъ ряду креселъ, испытывалъ позоръ и мученія пытки иной, но, въ нравственномъ смыслѣ, не менѣе жестокой и безмилосердной, чѣмъ испытывалъ въ средніе вѣка человекъ, захопнутый въ такъ называемую „железную бабу“, die eiserne Jungfrau.

Эпизодъ этотъ ничего общаго съ воспоминаніями о Милии Алексѣевичѣ не имѣетъ, и потому описаніе его я отложу до другого раза.

...Изъ пьесокъ, игранныхъ мною съ Балакиревымъ въ первый или въ первые два учебные сезона, нѣкоторыя мнѣ не нравились.

„Душой“, чутьемъ я не понимала ихъ.

Я понимала оперы, которыя играла съ прежними учителями въ 4 руки. Если не понимала, останавливалась на непонятныхъ мнѣ мѣстахъ и спрашивала: что это значитъ? [Такъ никогда не могу забыть объясненіе милого Шуберта на увертюру Донъ-Жуана. На мой вопросъ: почему послѣ грустной темы, (я представляла себѣ какое-нибудь несчастіе, чьи-нибудь слезы), слѣдуютъ гаммы, повышающіяся хроматически, изображающія вѣтеръ что ли или что?—Шубертъ знавшій мою привычку спрашивать о сюжетѣ, стоя сзади моего стула, съ доброй улыбкой хрипло-тихо, какъ всегда, пояснилъ мнѣ:

— Марусея!... Ну, это, снаете, папашъ сердится на своего „непослушного“ сына... А сынъ плачетъ, а слушаться всежь не хочетъ!..]

Съ 7 лѣтъ требовала даже, чтобы музыка въ нихъ сходилась, такъ сказать, съ дѣйствіемъ, ненавидѣла посему, т. е. не любила, находила глупой оперу Лучію, такъ какъ не могла понять: радуется ли Лучія въ своей знаменитой аріи, кончится ли все благополучно,—чего я страстно желала,—или, наоборотъ, она только дѣлаетъ видъ, что радуется... А эсама умереть, убьютъ. Тогда зачѣмъ же она радуется?...

Приставала шепотомъ къ моей матери съ этими разспросами во время самаго дѣйствія, ужасно волнуясь за исходъ, что заставило отца глазами и жестами велѣть мнѣ молчать или выйти изъ ложи.

Понимала я также мои пьески съ Шубертомъ: „Moment musical“ и разные „Air de Venise“ и „Cascade de roses“, но первая пьеска, которую далъ мнѣ играть Балакиревъ... Она разочаровала меня...

Это было „Scherzino“ Карла Рейнеке. Теперь я назвала бы ее граціозной виньеткой (Tempo di Menuetto. Poco vivace) на историческое воспоминаніе бала XVIII вѣка, но тогда она была выше моего пониманія, и какъ Милій Алексѣевичъ ни нюансировалъ ее, какъ ни игралъ ее самъ, добиваясь, чтобы я поняла ее,—я оставалась къ ней равнодушна и холодна.

Нѣсколько уроковъ онъ не задавалъ мнѣ ничего новаго, желая усвоенія Scherzino, но какъ я ни старалась, какъ ни терзалась Балакиревскими: гмъ-гмъ!—ничего у меня не выходило, и должно быть, сжалившись надо мной, понявъ, что мнѣ пока нужно что-нибудь болѣе романтическое, онъ, черезъ нѣкоторое время, задалъ мнѣ: la Gondole Гензельта, а потомъ его же „Air Russe de Noroff“.

Эти вещицы, особенно Гондолу, я играла съ огромнымъ удовольствіемъ и часто играла ихъ моимъ родителямъ и ихъ знакомымъ, по вечерамъ.

Но настоящимъ образомъ я стала заниматься съ Миліемъ Алексѣевичемъ лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ нашего знакомства, а именно послѣ окончанія мною курса общихъ наукъ и такъ называвшагося тогда университетскаго экзамена.

Милій Алексѣевичъ былъ доволенъ этимъ окончаніемъ, а мнѣ было какъ-то больно, жалко кончить курсъ наукъ, т. е. знать, что у меня уже не будетъ больше уроковъ, что ко мнѣ уже не будутъ приходить мои любимые учителя: Александръ Петровичъ Милюковъ, (учитель словесности и русской литературы), В. В. Сычевскій и В. А. Верещагинъ (составитель учебниковъ и задачниковъ), учителя математики.

(Сычевскій заболѣлъ въ годъ моего экзамена, и послѣдніе мѣсяцы я занималась съ Верещагинымъ). Священникъ о. Павелъ Лебедевъ, Mr. Lafosse и др.

Мнѣ было больно это знать, потому что съ самаго ранняго дѣтства, не слыша ихъ никогда, не зная ихъ, я понимала стихи: Partir c'est mourir un peu!.. и, отчаливая отъ береговъ дѣтства и ранней юности, съ ихъ интересами и занятіями, подъ дѣйствіемъ которыхъ я, провѣряя себя, сознавала, что расту духомъ, покидая эти милые

берега, я, инстинктивно, безъ словъ чувствовала смерть, неизбежную, земную смерть многого того, что любила!

Но Милій Алексѣвичъ, повторяю, былъ доволенъ, что я кончила съ другими учителями.

Они мѣшали ему, его урокамъ и заданіямъ своими уроками, и я невольно улыбалась, слушая его:

— „И прекрасно-съ!... Значить, теперь вы можете отдаться музыкѣ!“...

И я отдалась ей, удѣляя лишь короткое время на изученіе итальянскаго языка.

Я стала играть, т. е. экзерцироваться по 4 часа, а иногда и по 5 ч. въ день.

Милій Алексѣвичъ приходилъ на урокъ разъ въ недѣлю, и разъ, по его настоянію, ко мнѣ приходила для игры въ 4 руки его ученица, кажется, и хорошая знакомая, Александра Александровна Бражникова—составительница лучшаго англо-русскаго словаря, называемаго „Словарь Александра“.

Она въ то время, бѣдняжка, переживала, должно быть, самыя тяжелыя минуты въ своей жизни, страдая и нравственно, и матеріально, такъ какъ разсталась, должна была (послѣ многихъ лѣтъ супружеской жизни) разстаться съ мужемъ, человѣкомъ въ большихъ чинахъ, директоромъ какого-то департамента или чего-то въ этомъ родѣ. У нея были дѣти старше меня (хотя были и моложе) и, уйдя отъ мужа съ ними, она стала крайне нуждаться, такъ какъ перестала получать отъ него какое бы то ни было содержаніе. Предоставляя ей уроки у меня и вѣрно у другихъ, Балакиревъ убивалъ, такъ сказать, однимъ ударомъ двухъ зайцевъ: помогалъ ей въ ея страшной бѣдѣ и нуждѣ и заставлялъ меня учиться хорошо разбирать ноты, читать ихъ съ листа, въ чемъ я сильно хромала.

Не помню, какъ долго занималась я съ т-ше Бражниковой. Кажется, всего одинъ сезонъ. На слѣдующій я категорично отказалась отъ этой нашей съ ней игры. Бѣдная Александра Александровна, женщина уже въ годахъ (я думаю, ей было больше 50-ти) была неумоима; вмѣсто часа и двухъ, она могла играть и три и четыре часа. Домой тоже ей, вѣрно, не хотѣлось возвращаться, и мы играли съ ней симфоніи и сонаты, сонаты и симфоніи до одуренія, т. е. я, такъ какъ она изумлялась: неужели вы уже устали?...

А у меня отъ переутомленія дѣлалась тоска въ ногахъ, и нервныя слезы давили горло.

Послѣ лѣтняго отдыха, вернувшись на зиму въ Петербургъ изъ-за границы, я, конфузясь, съ холодѣющими руками, сказала

Милію Алексѣвичу, что я больше не хочу занятій съ А. А. Бражниковой.

Я ожидала его репрессій, но онъ, удивленно разспросивъ: въ чемъ дѣло? и узнавъ, не сталъ настаивать. Мнѣ же было и совѣстно, и жалко Александру Александровну, но все же, я радостно вздохнула, освободившись отъ нашей съ нею игры.

А ей... ей, вскорѣ не нужно стало ничьей помощи и никакихъ уроковъ. Она умерла неожиданно отъ аневризма, готовясь какъ-то утромъ, зимой, идти на урокъ или на рынокъ. Сѣла одѣтая уже въ шляпкѣ на стулъ и со словами, обращенными, кажется, къ прислугѣ:—Мнѣ что-то нехорошо!... скончалась.

Послѣ Александры Александровны, Милій Алексѣвичъ пожелалъ и настоялъ, чтобы я брала уроки у Н. А. Римскаго-Корсакова. У меня не было абсолютнаго слуха и, какъ ни странно сказать я, довольно, подвинутая въ игрѣ на фортепіано, имѣла лишь весьма слабое понятіе о теоріи музыки, даже объ интервалахъ. Кромѣ того, то, что и знала, знала, помнила со временъ M-lle Франкманъ и Брассера и первые годы уроковъ съ Балакиревымъ называла потому все по-французски. Такимъ образомъ, осьмья, шестнадцатая, о которыхъ онъ говорилъ въ 70—72 годахъ, для меня были незнакомками. Я мысленно считала ихъ *сгоches, double-sгоches*, а Милій Алексѣвичъ всякій разъ издавалъ на это свои „гмъ-гмъ“. Такъ же трудно мнѣ было приучиться къ его: *цис'амъ, ха'молямъ (cis, h moll)* и пр., которыя, если я ошибалась, онъ выкрикивалъ, ходя по залѣ, слушая мою игру. Для меня это были *do dièse, si mineur*, и я робѣла и путала, не сразу переводя на „свой“ языкъ приказанія и поправки Милія Алексѣвича. Тогда онъ самъ нетерпѣливо переводилъ ихъ на „мой“ языкъ (т. е. французскій). Въ одной же или двухъ тетрадкахъ у меня сохранились и вещественныя доказательства его нетерпѣнія: двѣ-три „саркастическія“, какъ я чувствовала тогда, замѣтки. Нота, обведенная карандашемъ съ крупной надписью: *si!* и восклицательнымъ знакомъ, а разъ даже: *ut!*, тоже съ восклицательнымъ знакомъ.

Съ Николаемъ Андреевичемъ Р.-Корсаковымъ я очень быстро привыкла къ нѣмецкимъ названіямъ, стала по слуху отличать всѣ терціи, кварты, септимы и пр., а потомъ и септаккорды, квартсекстаккорды и т. д., но у меня съ нимъ, на первомъ же урокѣ, произошелъ случай, въ которомъ принялъ горячее участіе Милій Алексѣвичъ.

Объясняя мнѣ интервалы, Римскій-Корсаковъ сказалъ, что кварта и квинта называются чистыми (а не большими, какъ остальные).

Я спросила:—Почему?

Онъ сразу не съумѣлъ, не могъ мнѣ объяснить:

— Называются! Просто такъ называются...—удивленный моимъ вопросомъ, на высокихъ нотахъ сталъ повторять онъ, заставляя меня краснѣть за мою глупую пытливость.—Не знаю: отчего. Разумѣется, не оттого, что другія... грязныя...

...А...

И онъ, жестикулируя съ папирской въ рукѣ, не зналъ сразу, что сказать. Я внутренно страшно сожалѣла, что предложила ему этотъ вопросъ, рада была бы, если бы онъ забылъ о немъ. Но... онъ не забывалъ и должно, быть, задѣтый за самолюбіе, передалъ Балакиреву о „происшествіи“ за первымъ урокомъ.

Милій Алексѣевичъ, помня Бражникову, тотчасъ же написалъ мнѣ цѣлое письмо о „первомъ блинѣ комомъ“ и о томъ, чтобы я „не разочаровывалась“, а подождала, что Николай Андреевичъ навѣрное найдетъ объясненіе къ смущающему меня вопросу и пр.

Мнѣ было страшно совѣстно, но дѣло было сдѣлано. Прошлаго нельзя было вернуть, и оставалось только ждать, что найдетъ для объясненія „интересующаго“ меня вопроса Николай Андреевичъ. На слѣдующій же урокъ онъ, дѣйствительно, нашелъ.

— Квинта и кварта называются чистыми потому, что перенесенныя онѣ даютъ тоже чистый интервалъ: кварта—квинту, квинта—кварту, а другіе интервалы даютъ большіе-малые, малые-большіе, увеличенные-уменьшенные и наоборотъ интервалы.

Послѣ этого объясненія мы всѣ трое вздохнули свободно.

Я почувствовала, что ужъ не такъ глупъ былъ мой вопросъ.

Николай Андреевичъ былъ доволенъ, что нашелъ объясненіе. Милій же Алексѣевичъ, первымъ дѣломъ, придя на свой урокъ, не то весело, не то насмѣшливо блеснувъ глазами, спросилъ меня:

— Ну-съ, вы удовлетворены-съ?..

Съ Р.-Корсаковымъ я занималась долго, два или даже три сезона и прошла всю теорію, гармонію музыки, включая контрапунтъ и фугу. Сочиненій, т. е. музыкальныхъ задачъ, я написала множество, принимая за образецъ и Палестрину и особенно Генделя Matheus Passion, и Бетховена, и др.

Уроки его принесли мнѣ громадную пользу, и этому очень радовался Милій Алексѣевичъ.

— Теперь вы знаете грамоту музыки, да!.. да!..—говорилъ онъ мнѣ.—А это очень важно-съ!

Я, довольная, слушала его и невольно улыбалась, потому что онъ, считая такой важной *музыкальную* грамотность, не соблюдалъ обыкновенную и писалъ по-русски съ страшнѣйшими ошибками: „мѣжду, потѣрпите, пожѣлтель“, сознавался въ этомъ и говорилъ

стремительно и рѣзко: что прикажете-съ—я никогда не могъ превзойти „ихъ ять“.

Музыкальная грамотность или безграмотность доставила мнѣ также удовольствіе быстрого, хотя и мимолетнаго, сближенія съ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Боткинымъ.

Это было въ декабрѣ 1879 или началѣ 1880 года. Мы встрѣтились на балу. Я не знала, что это—Боткинъ, но видѣла, какъ хозяинъ дома, сынъ хозяйки, подводилъ молодого, кудлатаго блондина къ разнымъ барышнямъ. Никогда не нуждаясь въ кавалерахъ, я наблюдала за другими, но во время вальса дошла очередь и до меня, и упиравшагося блондина, въ безукоризненномъ фракѣ и манишкѣ, подвели ко мнѣ.

— Это будущая знаменитость,—сказалъ мнѣ хозяинъ дома, шутливо рекомендуя Сергѣя Сергѣевича.—Это сынъ Сергѣя Петровича Боткина. Сергѣй Сергѣевичъ. Но есть всѣ данныя, что онъ превзойдетъ своего великаго отца.

— Ну-да! Говори!—смущенно выгибаясь, засмѣялся Боткинъ.

Вся моя досада, что ко мнѣ „тащатъ“ кавалера, мигомъ прошла. Я припомнила рассказъ о немъ Н. А. Римскаго-Корсакова и весело пошла съ нимъ вальсировать.

— Вы... Биша?—во время вальса спросила я его. (Бишей называли Сергѣя Сергѣевича домашніе съ дѣтства).

Онъ чуть не потерялъ темпъ и чуть не остановился, но мы продолжали вальсировать.

— Да... и Биша!—довольно серьезно отвѣчалъ онъ.—Какъ вы знаете?

— Ахъ, Биша. Такъ это вы любите послѣдованіе квинтъ или октавъ?...

Боткинъ покраснѣлъ, я засмѣялась.

— Какъ, вы и это знаете?.. Нѣтъ, какъ вы это знаете?..—проговорилъ онъ. Смѣясь, я объяснила, и съ этой минуты вся неловкость и чопорность между мною и Боткинымъ исчезли. Онъ весело, съ комичнымъ жестомъ, объявилъ мнѣ, что не интересуется нисколько технической стороной музыки, а просто любить хорошее пѣніе, игру; рассказалъ о сдѣланныхъ имъ ошибкахъ въ задачахъ, потомъ мы стали говорить съ нимъ о Балакиревѣ, и я провела одинъ изъ самыхъ пріятныхъ вечеровъ. Мы танцовали съ нимъ всякіе танцы и мазурку и даже ужинали вмѣстѣ, а, впоследствии, встрѣчаясь крайне рѣдко, Боткинъ всегда съ веселой улыбкой подходилъ ко мнѣ.

Онъ помнилъ, что онъ для меня былъ Биша съ послѣдованіемъ октавъ и квинтъ.

Октавы же и квинты означали слѣдующее:

Разъ какъ-то, задавъ мнѣ задачу, Николай Андреевичъ вдругъ остановился, уходя, и сказалъ: Да вы поняли, что квинта не можетъ чередоваться съ параллельной квинтой. По крайней мѣрѣ, не можетъ быть параллельнаго послѣдованія, хода квинтъ или октавъ? То-то же! Не напишите мнѣ, какъ Биша Боткинъ.

— Кто это, Биша Боткинъ?—спросила я.

— Какъ? Вы не знаете? Это вѣдь тоже ученикъ Милія Алексѣевича.

— Нѣтъ не знаю,—сказала я.

Балакиревъ никогда ничего не рассказывалъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, о своихъ ученикахъ. Вообще у него была привычка, которой онъ рѣдко измѣнялъ, не знакомить между собой знакомыхъ ему людей, простыхъ смертныхъ, не музыкантовъ, разумѣется.

Какъ у дѣтей игрушки, они у него были расставаны по разнымъ уголкамъ его жизни и перемѣстить одного человѣка въ другой уголокъ было для него, мнѣ думается, такой же непріятностью, какъ для ребенка переложить, перепутать его игрушки.

— Биша Боткинъ—это старшій сынъ профессора Боткина,—объяснилъ мнѣ Николай Андреевичъ.—Вы знаете, Сергѣй Петровичъ давно и близко знакомъ съ Миліемъ Алексѣевичемъ? Не слышали? Какъ же! Очень давно. И Балакиревъ всѣмъ тамъ тоже давалъ или даетъ еще уроки музыки. И меня рекомендовалъ къ сыну, къ этому самому Бишѣ. Я задалъ ему какъ-то, какъ вамъ сегодня—задачи на октавы и квинты, объяснивъ то, что и вамъ объяснилъ сегодня. Прихожу на слѣдующій урокъ, а Биша подаетъ мнѣ нѣсколько задачъ и во всѣхъ, какъ нарочно, квинта и рядомъ квинта, и опять квинта и квинта. Ч...ъ знаетъ что такое!..—на верхнихъ нотахъ закончилъ Николай Андреевичъ.

На слѣдующій урокъ съ Балакиревымъ я рассказала ему, что познакомилась съ его ученикомъ.

Онъ удивленно поднялъ брови:—Кто такой?

Я сказала.

— Ахъ, съ Боткинымъ,—равнодушно протянулъ онъ и даже не спросилъ, гдѣ и когда.

Такъ и кончались обыкновенно мои попытки съ нимъ простыхъ, обыкновенныхъ разговоровъ.

Онъ былъ недоступенъ для нихъ, и мнѣ стоило большихъ усилій воли, чтобы краснѣя и блѣднѣя сказать или рассказать ему что-нибудь житейское, простое, или спросить его о чемъ-нибудь неважномъ, невысокомъ.

Зато объ этомъ важномъ и высокомъ мы съ годами стали съ нимъ говорить все больше и чаще.

Какъ-то, придя вечеромъ къ чаю, онъ спросилъ меня, читала ли я что-нибудь Жоржъ-Сандъ и люблю ли я ее?

Мнѣ было тогда лѣтъ 17 или 18, и я отвѣчала, что читала „La m^{ère} au diable“ и видѣла на сценѣ „Сверчокъ“, т. е. „La petite Fadette“ въ передѣлкѣ, съ Ермоловой въ роли Фадетты.

— Вамъ понравилось?—спросилъ онъ.

Краснѣя, но съ энтузіазмомъ я отвѣчала: очень.

— Гмъ!..—не спуская съ меня глазъ, сказалъ Балакиревъ. А вы знаете ея біографію?.. Она была очень дурная женщина... (онъ, какъ всегда, когда хотѣлъ усилить свою мысль, дѣлалъ сильное удареніе на какомъ-нибудь словѣ).—Вы не читали ея „Лелію“ или „Лукрецію Флоріани“?

— Нѣтъ еще! Гдѣ ей! Зачѣмъ?—вступила въ разговоръ моя мать.

— Ну, и хорошо, что не читала. Я вамъ принесу книгу,—обратился онъ ко мнѣ, отвѣтивъ и поговоривъ съ моими родителями,—А. С. Хомякова; вы тамъ прочтите его письмо къ Тертію Ивановичу Филиппову о Жоржъ-Зандъ. Это будетъ ей полезно,—опять, глядя на мою мать, сказалъ онъ.—Вы не знаете, кто такой Хомяковъ? (это ко мнѣ).—Не учили съ вашими учителями? Ну, вотъ видите-съ. О Жоржъ Зандъ учили, а о Хомяковѣ не учили!..

Я снова, какъ всегда съ нимъ, сильно покраснѣла, чувствуя его сарказмъ, его правоту и вину другихъ, въ этомъ случаѣ, еще годъ назадъ, мнѣ страшно дорогого учителя, А. П. Милюкова, но я вся была уже подъ обаяніемъ его личности и стала ожидать обѣщанную книгу.

На слѣдующій день, онъ, съ записочкой, прислалъ мнѣ ее и, кромѣ письма къ Филиппову, отмѣтилъ еще нѣсколько статей, чтобы я прочла ихъ.

Это былъ первый его вкладъ въ мою душу, въ мою совѣсть.

Читая страницы этого письма, гдѣ почти безъ словъ, не доказывается даже, а само собой утверждается, становится ясной истина, что Ж. Сандъ явленіе исторической жизни Европы, что она тѣсно связана съ *Wahlverwandschaften* Гёте, съ Маноною и Ниноною (дурными женщинами), которыхъ прославляла словесность, связана и съ Бокачіо, и съ Аріостомъ, и съ Розамундой, и пр. и пр., связана и съ церковнымъ разводомъ во всѣхъ реформатскихъ странахъ, который самъ Бунзенъ называетъ „ein legalisirter Ehebruch“. Читая про противоположную этой украшенной развращенности норму русскихъ понятій, выраженныхъ въ бытовой пѣснѣ объ обязанностяхъ жены, читая, что истинная любовь отказывается отъ своихъ собственныхъ правъ на счастье всякій разъ,

когда это счастье должно быть куплено постыднымъ торгомъ съ совѣстью; что самоотреченіе любви есть естественное послѣдствіе ея уваженія къ своей собственной святынѣ, что любовь, ставящая средствомъ лицо любимое, а цѣль въ лицѣ любящемъ есть еще неотрѣшившійся эгоизмъ; что истинная любовь имѣетъ высшее значеніе, что въ ней любимый человѣкъ дѣлается цѣлью, что на него другой человѣкъ переноситъ свои права, часть своей жизни, не ради себя самого, а ради него; что человѣкъ, стремящійся къ исполненію высшаго закона, ищетъ его въ земномъ счастіи, т. е. въ бракѣ, который есть не что иное, какъ пособіе для человѣка грубаго въ своемъ эгоизмѣ, пособіе для осуществленія высшаго закона любви, принимающей чужую человѣческую личность цѣлью для жизни. Наконецъ, читая, что Жоржъ Сандъ и ея школа имѣютъ нравственное оправданіе, какъ имѣютъ и энциклопедисты; что снисходительное, анти-христіанское отношеніе къ мужской безнравственности и такое же анти-христіанское осужденіе, безъ снисхожденія, женской безнравственности породило эту школу; что Вольтеръ, Руссо и др., какъ и Ж. Зандъ, брали и берутъ противъ лже-христіанства оружіе изъ христіанской истины; что многія христіанскія начала осуществились въ обществѣ потому только, что они уяснились въ упорной борьбѣ, и что учителя зла сдѣлались безсознательно орудіемъ добра... Читая про великое значеніе и назначеніе брака, про то, кто долженъ и кто не долженъ, кому нѣтъ надобности въ него вступать... — я чувствовала, что все это широко, возвышенно и прекрасно, что будто кто-то великій и мощный взялъ меня за руку и, отдернувъ гигантскій занавѣсъ, скрывавшій отъ меня дѣйствительность, сказалъ: „гляди“!.. Иными словами отвелъ меня съ береговъ красивой, полноводной рѣки съ зелеными, нарядно-душистыми берегами, залитыми солнцемъ, и почтавилъ на берегъ безбрежнаго, волнующагося океана...

Передо мною, куда бы я ни взглянула, плыли, на первый взглядъ, однообразные, на самомъ дѣлѣ, вѣчно мѣняющіеся, непохожіе другъ на друга, темные, жизненные валы съ бѣлыми, будто кружевно-красивыми, въ дѣйствительности несущими холодъ и смерть гребнями. Рѣзкій вѣтеръ билъ мнѣ въ лицо. Было трудно дышать... Но я чувствовала, что здѣсь была земная правда, потому что здѣсь была земная жизнь...

А сзади меня, когда я оборачивалась, вдалекѣ я видѣла, блестящей лентой вилась рѣка—литература, залитая солнцемъ, и по ней, въ красивыхъ и изящныхъ лодочкахъ, плавали взадъ и впередъ Милюковъ, Lafosse, Брандтъ и др. плавали, подѣзжали къ берегамъ, срывали цвѣты, знакомили съ по-оперному разодѣтыми

рыцарями, ентязями, придворными дамами и кавалерами, „украшенными, фальшивыми Нинонами и Манонами“...

Я отвертывалась отъ нихъ, глядѣла передъ собой и глазъ не могла оторвать отъ океана. Онъ былъ страшенъ, онъ грозилъ разрушеніемъ, смертью... Но я!.. Я стояла на берегу. Кто-то великій и сильный крѣпко держалъ меня за руку, и говорилъ: гляди и понимай... Ищи не только анализа, но и синтеза. И вотъ тебѣ готовый, вѣрный. Думай, такъ ли?..

И я стояла и глядѣла... т. е. на самомъ дѣлѣ, сидѣла въ моей маленькой гостиной, на диванчикѣ, противъ моего большого, съ полками для библіотеки письменнаго стола, съ книгой, присланной мнѣ Миліемъ Алексѣевичемъ, которую держала на колѣняхъ и думала, чувствовала, что не останавливаюсь въ ростѣ, какъ боялась, покидая моихъ школьныхъ (такъ сказать) учителей, а расту, расту, и съ нимъ, съ Балакиревымъ, если онъ не откажется отъ меня, буду еще расти, что онъ именно тотъ учитель, который мнѣ теперь нуженъ, который бываетъ нуженъ каждой юной душѣ, и учитель не разрушающій, а созидающій, дающій лучшее, новое ученіе взамѣнъ стараго.

Придя на слѣдующій урокъ, Милій Алексѣевичъ встрѣтилъ меня съ молчаливымъ вопросомъ въ серіозныхъ глазахъ, а потомъ и спросилъ словами:

— Вы прочли письмо Хомякова? Вамъ понравилось?

— О, да, очень.

Онъ опять посмотрѣлъ на меня серіозно и испытующе, вѣрно ожидая дальнѣйшаго разсказа о моемъ впечатлѣніи, но у меня тогда еще не было „своихъ словъ“ для него.

— Очень, ужасно понравилось! — добавила я и, въ смущеніи, замолкла.

— Ну-съ, я очень радъ, очень радъ! — весело сказалъ онъ.— А вы то-то и то-то читали? Нравится? Прекрасно-съ!... Вы прочтите еще,—онъ назвалъ нѣсколько статей изъ того же тома. — Напр. письмо изъ Англіи. Хомяковъ тоже любилъ англичанъ, какъ и вы, а какъ-нибудь вечеркомъ мы поговоримъ съ вами, а пока...—И мы стали заниматься музыкой.

Съ этого дня положено было начало нашего духовнаго сближенія.

Послѣ чтенія статей А. С. Хомякова, онъ просилъ мою мать и настоялъ, чтобы она купила и позволила мнѣ прочесть *Lélia* и *Флоріани*, а когда книги эти купили, сталъ слѣдить за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое романы эти производятъ на меня.

А на меня они производили крайне тягостное впечатлѣніе... Особенно *Флоріани* и особенно въ сценѣ съ нѣсколькими отцами,

приходящими къ своимъ дѣтямъ отъ одной матери Люкреціи!.. Я подставила себя на мѣсто одного изъ этихъ дѣтей и содрогнулась: Развѣ это мать?.. Что жъ, что она спала въ одной комнатѣ съ дѣтьми, о чемъ такъ много говоритъ Ж. Сандъ? Эта сцена на лодкѣ, когда ее причесываютъ одинъ неудачно, какъ мадонну, другой, прежній „знакомый“ удачно, какъ вакханку... Я опять подставила своихъ дорогихъ и почувствовала такой душевный гнетъ, что пошла къ моей матери и съ нею, въ ея свѣтлыхъ разговорахъ и критикѣ и романовъ, и моихъ переживаній только и нашла успокоеніе и заживленіе моихъ ранъ.

....Черезъ нѣкоторое время снова вечеромъ Балакиревъ принесъ мнѣ Хомякова, и теперь уже второй томъ съ сочиненіями по богословію.

— Вотъ, что я предложу вамъ теперь прочесть, — откашливаясь, обратился онъ ко мнѣ, передавая книгу съ рѣзкимъ жестомъ. — Вы, православная, навѣрно мало знаете или ничего не знаете-съ о разницѣ между Восточной Церковью и Католической или лютеранствомъ и т. д. Такъ вѣдь?

— Нѣтъ, я знаю,—робко рѣшилась я сказать.

Онъ остался недоволенъ и нетерпѣливо продолжалъ:

— Ну-съ! Что жъ вы знаете-съ? Что у католиковъ есть „папа“, а у насъ нѣтъ?

Онъ обвелъ глазами всѣхъ сидящихъ за столомъ.

Моя мать и Надежда Дмитріевна обѣ улыбнулись.

— Нѣтъ, не только это, но и разницу вообще,—повторила я, подбодренная ихъ присутствіемъ и сочувствіемъ.

— Откуда же вы знаете?

— Мнѣ мой законоучитель объяснилъ.

— Ну-съ,—такъ же нетерпѣливо, какъ прежде, произнесъ Милій Алексѣевичъ.—Скажите, что вы знаете?... Въ чемъ напр. разница православія съ католичествомъ? Ну-съ?...

Я сказала.

— А съ лютеранствомъ?

Я опять отвѣтила.

— Гмъ!..—точно смягчившись, произнесъ Балакиревъ.—Кто у васъ былъ законоучителемъ?.. А знаете, вы счастливо попали, — медленно произнося слова, обратился онъ къ моей матери. — Это рѣдко выдается такой священникъ. Онъ изъ Николаевского Института, вы говорите?

— Да,—раскраснѣвшаяся и довольная, гордая моимъ батюшкой-подтвердила я и стала слушать, какъ Балакиревъ началъ говорить со старшими. А онъ, послѣ серіозныхъ замѣчаній, сталъ пересы,

пать свой разговоръ сарказмами на счетъ невѣжества нашего общества вообще въ религіозныхъ вопросахъ и анекдотами освѣтскихъ женщинахъ въ частности.

— Что наши великосвѣтскія дамы... Развѣ онѣ знаютъ ученіе нашей церкви? Что онѣ понимаютъ? А переходятъ въ католичество по убѣжденію. Выйдетъ къ нимъ красивый доминиканецъ въ бѣлой одеждѣ, подпоясанной веревкой. Онѣ: ахъ! *charmant!* Взмахнетъ рукой въ широкомъ рукавѣ, скажетъ по-французски, на прекрасномъ французскомъ языкѣ, рѣчь, и опять: ахъ, ахъ! *charmant!* *Sublime!* Вотъ ужъ она и католичка! По такому-то убѣжденію, перешла (онѣ сдѣлала удареніе на словѣ убѣжденіе) одна княгиня Голицына. У нея были маленькіе сыновья, и она говорила, что въ Римѣ они научились служить Богу, а въ Россіи они служить Богу не могли! Она ихъ сдѣлала *enfants du coeur*. Ей, по-просту, нравилось нарядить ихъ въ красныя сутаны и бѣлыя кружевные переднички-съ. Это ужъ окончательно было: *charmant*. Да-съ... А одновременно, эта самая княгиня спросила у меня: скажите, откуда берутъ у насъ Причастіе? Мнѣ я знаю. Я видѣла, какъ его варятъ въ Москвѣ, но гдѣ дѣлаютъ Причастіе?...

— Ну, такъ видите, по какому убѣжденію она перешла въ католичество?! добавилъ онѣ, переводя на меня глаза.

— А книгу я все-таки вамъ оставляю,—когда мы встали изъ-за чайнаго стола, обратился онѣ ко мнѣ. Вы въ ней найдете (онѣ смягчилъ голосъ) много интереснаго.

И онѣ, дѣйствительно, не только оставилъ мнѣ книгу, объяснивъ, что одно время она была даже запрещена въ Россіи, но черезъ нѣкоторое время, и подарилъ мнѣ ее, видя, какъ я увлеклась ею.

Это былъ его первый мнѣ подарокъ, и книга эта стала моею настольной.

Впоследствии, т. е. по прочтеніи мною ея, онѣ сдѣлалъ надо мною вторую, еще болѣе заставившую меня страдать, вивисекцію, т. е. тотъ же опытъ, какъ послѣ первой данной мнѣ имъ книги, вѣрнѣе тома Хомякова.

Тогда онѣ далъ мнѣ прочесть романы Ж. Сандъ. Теперь онѣ пожелалъ, чтобы я прочла Ренана и Штрауса.

— Вамъ нечего ихъ бояться,—говорилъ онѣ. — Если они васъ теперь могутъ поколебать—какая же вы вѣрующая? Какъ же усвоили прочитанное?... А вамъ надо знать, что говорятъ противники. Надо быть во всеоружіи.

И я стала читать все, что онѣ желалъ, иногда неизмѣримо страдавая.

Въ это же время онѣ началъ говорить и писать мнѣ:

„Я забылъ вамъ сказать: пойдите къ обѣднѣ или ко все-нощной тогда-то. Это канунъ или день большого праздника, или такого-то святого“.

Иногда онъ писалъ: „когда я назначилъ урокъ въ понедѣльникъ, то совсѣмъ забылъ, что въ этотъ день большой праздникъ (22-го октября), а потому отложимте нашъ урокъ до среды, а сегодня лучше отправляйтесь къ обѣднѣ и помолитесь о здоровьи Вашей мамы“.—И въ P. S.: „Боткинъ прѣхалъ. Если бы Ваша Мама согласилась у него разъ консультироваться, могла бы быть для нея огромная польза“.

Или:

„Такъ какъ во вторникъ праздникъ Богоявленія, и Вы вѣрно пожелаете быть у обѣдни, то на урокъ я приду къ Вамъ завтра“, и т. д.

И я ѣхала въ домовую, посѣщаемую нами церковь, или шла въ ближайшую приходскую, иногда, втайнѣ надѣясь встрѣтить, т. е. увидѣть его тамъ, но за всѣ 6 лѣтъ, т. е. съ 76 по 82 годъ я всего два раза и то издали, на одинъ мигъ, въ морѣ головъ, вѣрнѣе лицъ (я стояла на клиросѣ, онъ въ толпѣ) увидѣла его лицо.

Онъ стоялъ серьезный, съ поднятыми кверху глазами, похожій на апостола Марка, какъ онъ написанъ на Царскихъ вратахъ въ Конногвардейской Церкви Благовѣщенія, въ которую въ дѣтствѣ мы ходили....

Когда я обернулась вторично,—его уже не было.

.... Послѣ Хомякова онъ принесъ мнѣ сочиненія Кирѣевскихъ, которыя мнѣ не понравились, а затѣмъ далъ читать Самарина: „Окраины“, „Иезуиты въ Литвѣ“, и Гильфердинга: „I. Гусъ“. Всѣмъ этимъ я серьезно увлекалась. А онъ объяснялъ непонятное.

Память у него была колоссальная (какъ музыкальная, такъ и обыкновенная), и онъ указывалъ то то, то другое сочиненіе, съ которымъ можно было сравнить прочитанное, при чемъ нѣкоторымъ авторамъ, напр. Бильбасову, тоже разрабатывавшему вопросъ о Гусѣ, сильно доставалось за „либеральную, но безсодержательную трескотню“.

Въ то же приблизительно время стала выходить „Русь“ И. С. Аксакова, и я, прочтя нѣсколько №№, принесенныхъ мнѣ Балакиревымъ, выписала ее себѣ на свои деньги.

„Это его порадовало“,—какъ онъ выражался.

.... Запятія музыкой и уроками въ широкомъ смыслѣ тѣмъ временемъ шли у меня своимъ чередомъ.

По окончаніи наукъ и экзаменовъ, въ мартѣ 76 года, я стала посѣщать состязательные вечера въ консерваторіи, помѣщавшейся

тогда еще въ Театральномъ переулкѣ (у Александринскаго театра) и симфоническіе концерты, а потомъ и концерты знаменитостей: братьевъ Рубинштейновъ, Есиповой и др.

Тогда, въ Петербургѣ, не было такого множества концертовъ, какъ теперь, и посѣщать лучшіе концерты потому не было затруднительно. Не было особенно затруднительно и готовиться къ нимъ, какъ, по совѣту Милія Алексѣевича, я готовилась, т. е. проглядывала въ 4 руки оркестровыя вещи (симфоніи) и въ двѣ руки фортепіанныя, проглядывала и съ нимъ, а иногда и съ моимъ отцомъ.

Тогда у насъ было уже два дивныхъ концертныхъ рояля Стенвей и Блютнера, и на нихъ, съ годами все чаще и чаще, я стала играть, испытывая огромное наслажденіе, разные концерты Мендельсона, Шумана, и пьесы Листа, Сенъ-Санса и др. написанныя для двухъ фортепіанъ, при чемъ Балакиревъ игралъ вторую или оркестровую партію.

Отецъ мой тоже любилъ эту игру, т. е. играть на двухъ фортепіанахъ, и мы играли съ нимъ разныя „*Bilder aus Osten*“, и памятную мнѣ „Патетическую Сонату“ и др. вещи; но тотъ, кто знаетъ, какъ аккомпанировалъ Милій Алексѣевичъ, сколько вносилъ онъ, т. е. прямо таки прибавлялъ отъ себя, увеличивая силу красочной оркестровки, недостаточно колоритной въ фортепіанномъ переложеніи,—тотъ знаетъ, что за музыкальное наслажденіе испытывалъ играющій съ нимъ.

Съ ноября же 1876 г., т. е. на слѣдующій сезонъ, послѣ окончанія мною курса наукъ,—онъ сталъ лично посвящать меня, т. е. готовить самъ къ концертамъ Бесплатной Музыкальной Школы. Это были труднѣйшіе и величественнѣйшіе концерты, но слышать разъ вещи, которыя тамъ игрались, не было никакого смысла. Вещи эти были слишкомъ серьезны, чтобы оцѣнить, сколько-нибудь понять ихъ, въ особенности такой юной дѣвочкѣ (16 лѣтней дѣвушкѣ), какъ я.

И онъ сталъ самъ готовить меня къ концертамъ, т. е. приходилъ мнѣ играть исполняемыя тамъ вещи. Тогда я понятія не имѣла, что такое Бесплатная Музыкальная Школа; не знала, какъ близка и дорога она была ему; не знала, что онъ 26 лѣтнимъ юношей создалъ ее вмѣстѣ со старымъ Ламакинымъ, управляющимъ хоромъ графа Шереметева. Не знала, сколько душевныхъ силъ и энергіи взяла она у него. Сколько огорченій доставила... Не знала, что въ ней даромъ давалось полное музыкальное образованіе всѣмъ приходившимъ... ..И просто, какъ полу-ребенокъ, не спрашивая ни о чемъ, восторженно слушала его игру.

А онъ игралъ мнѣ и Манфреда Шумана, и Леліо Берліоза, останавливаясь на красотѣ и глубинѣ Реквиема (въ Манфредѣ), указывая на нихъ, и нѣсколько разъ, играя по моему желанію, Фонтанъ съ феей и пр. и пр.

Особенно памяты мнѣ отрывки изъ ораторіи „Christus“ Листа. Впечатлѣніе отъ его передачи: бури на Генисаретскомъ озерѣ и наступившей послѣ словъ: *Modicei fidae, quare dubitasti...* тишинѣ, а затѣмъ „Входа въ Іерусалимъ“,—когда народъ сначала въ одиночку, потомъ все больше, группами, наконецъ, толпами, бѣжитъ навстрѣчу Спасителю, этотъ топотъ ногъ людскихъ по древнимъ каменнымъ улицамъ... Эти прерывистые возгласы, сливающиеся потомъ: въ „благословенъ грядый“!..—все это было сыграно такъ удивительно, такъ геніально, что холодокъ не разъ пробѣгалъ у меня по спинѣ, а послѣ, когда я услышала на концертѣ, въ оркестровомъ исполненіи, эти же отрывки, я ужь осталась ими, ихъ исполненіемъ неудовлетворенной, недовольной.

Это было не то!... Не слышалось топота, не чувствовалось тишины, не было иллюзіи ея!...

Но для него у меня не было словъ!

Зато, когда онъ уходилъ отъ меня, я подходила къ окну и смотрѣла, ждала, чтобы онъ появился, на лѣвой сторонѣ Владимірской площади (мы жили въ домѣ Ремесленной управы, выходящемъ на площадь, Б. Московскую и Загородный пр.) у булочной Вебера, а когда онъ появлялся въ своемъ старенькомъ поношенномъ пальто, въ круглой суконной шапочкѣ и въ ярко-малиновыхъ вязавыхъ перчаткахъ, въ которыхъ онъ изрѣдка шевелилъ пальцами опущенныхъ и широко отставленныхъ отъ туловища рукъ,—я долго съ жалостью, нѣжностью, умиленіемъ и благоговѣніемъ смотрѣла ему вслѣдъ съ мыслями, которыя теперь могу перевести словами:

Благословенъ, благословенъ стократъ
Твой въ свѣтлый міръ насъ уносящій геній!

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

